

УДК 811.111

И. Л. Ильичева

ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ГИДРОНИМОВ БРЕСТСКОГО РЕГИОНА¹

Цель исследования – определение лингвокультурного потенциала региональных гидронимов через обращение к понятию «культурный код». Объект исследования – одна из разновидностей ономастических названий – гидронимы Брестской области. Общее их количество – 1 147 единиц. Выделены доминантные культурные коды, служащие отражением ментальной сферы жителей региона.

Ключевые слова: лингвокультурология, ономастика, ономастическое пространство, культурный код, гидроним.

¹ Впервые опубликована: Лингвокультурный потенциал гидронимов Брестского региона // Веснік Брэсцкага ўніверсітэта. Серыя 3. Філалогія. Педагогіка. – 2022. – № 3 – С. 62–68.

Введение

Гидронимы Брестского региона представляют особый интерес, поскольку этническая карта региона с древних времен представляла собой конгломерат населявших ее племен и народов, оставивших значительные следы в гидронимии. Город Берестий (или Берестье, Бересть, Берестово) как один из важных центров племени дреговичей был основан в месте пересечения торговых путей: один проходил по р. Западный Буг (из Галицкой Руси в Польшу, Прибалтику и Западную Европу), другой – по р. Мухавац, Припяти и Днепру (до Киева, Причерноморья и Ближнего Востока). Это позволяет сделать определенные выводы о языковых и культурных контактах западноевропейских этносов.

Образ жизни населения Брестчины формировали также природные условия, окружающий животный и растительный мир. Накопление и переработка информации, получаемой в процессе человеческой деятельности, постоянно отражались в наименованиях водных объектов региона. В рамках данного исследования, объектом которого стали наименования 1 147 водных объектов Брестчины, предметом анализа являются принципы номинации водных названий и их лингвокультурный потенциал. Цель исследования – выявить и описать комплекс культурных кодов, реализации которых служат гидронимы Брестского региона.

Материалом для исследования послужили документы Государственного водного кадастра Республики Беларусь (реестр водных объектов Брестской области за 2020 г.); информационная справка сектора «Природа и экология» Брестского областного краеведческого музея «Реки каналы и озера Брестской области. Названия в легендах и мифах» за 2020 г., а также «Краткий топонимический словарь Белоруссии» В. А. Жучкевича [1]. Основная часть Коллективное проживание и использование местности неразрывно связаны с вербальным маркированием данной территории, ибо «человек постоянно вступает в отношения с окружающим миром, мыслит себя сквозь призму этих отношений» [2, с. 3]. Пол Вудман писал, что «инстинктивное стремление называть места и объекты проистекает из нашей потребности придать им индивидуальность» [3, с. 8]. По его словам, «чтобы организовать нашу жизнь и социальные структуры, распознав что-то как место или объект, мы проецируем на него идентичность, присваивая ему имя» [3, с. 8]. В результате вербальных номинаций локус-территории образуется региональное ономастическое пространство, представляющее собой «сложную системно-структурную организацию, которая является средством фиксации реалий окружающей действительности и тех ее особенностей, которые отражают важные культурные и исторические события и социально-бытовые особенности из жизни населения исследуемого региона, т. е. представления человека о мире и в то же время понимание этого мира самим носителем языка» [4, с. 6]. Одним из классов собственных имен, составляющих ономастическое пространство региона, являются гидронимы. Современный этап развития ономастической науки отличается углубленным изучением классических ее

областей, а также поиском новых аспектов исследования. Одним из таких ракурсов исследования является лингвокультурологический подход к изучению ономастических единиц. Как справедливо указывает А. М. Мезенко, «ориентированная на различные виды кодирования культурно маркированной и прагматически значимой информации ментальная сфера носителей языка, обусловленная этнокультурной природой знаний о мире, находит отражение в культурных кодах [5, с. 388].

Обращаясь к понятию «культурный код», отечественные и зарубежные исследователи выделяют от четырех до пятнадцати кодов культуры. Так, в энциклопедическом словаре «Міфалогія беларусаў» представлены следующие коды культуры: персонажный, космографический, ландшафтно-топографический, календарно-хронологический, астрономический, метеорологический, соматический, животный, растительный, вещественно-элементный, предметный, гастрономический, числовой, операционный, атрибутивный [6, с. 7–8].

В. А. Маслова и М. В. Пименова в работе «Коды лингвокультуры» выделяют 14 кодов культуры: стихийный, вещественный, пищевой, предметный, вегетативный, витальный, соматический, перцептивный, антропоморфный, колоративный, пространственный, темпоральный, духовный [7]. Мы разделяем мнение В. В. Красных, что к базовым кодам культуры относятся соматический, пространственный, временной, предметный, биоморфный, духовный коды культуры [8, с. 233], поскольку именно они обеспечивают не только физическую идентификацию субъекта в пространственно-временном континууме, но и способствуют созданию культурных ценностей. Вербальные знаки при этом «принадлежат к внешним формам выражения культурно маркированной информации» [9, с. 80]. С учетом проанализированных классификаций кодов культуры и с опорой на эмпирический материал гидронимии Брестского региона мы выделили следующие коды культуры: антропоморфный, флористический, зооморфный, темпоральный, эмоционально-характерологический, пространственный – и субкоды: мифологический и религиозный.

Проведенный анализ свидетельствует, что антропоморфный код является одним из самых важных, поскольку формирует номинацию по именованию человека, репрезентирует человека. В большинстве случаев гидронимы, образованные от имен и фамилий путем трансонимизации, полностью или частично дублируют структуру имени-основы или фамилии-основы.

Для наименования используются антропонимы: мужские личные имена (пруд Хомск – Фома (белорусское старое Хома) [1, с. 394], пруд Могилевцы – Могила [1, с. 238], р. Борисовка – Борис [1, с. 33], р. Осиповка – Осип [1, с. 274], пруд Франополь – Франц [1, с. 389], пруд Власовцы – Влас [1, с. 54], пруд Савичи – Савва [1, с. 332]; фамилии жителей региона: о. Колдычевское – Колдычев [1, с. 150], пруд Лихачи – Лихач, Лихинич [1, с. 295], р. Лепесовка – Лепес [1, с. 200], канал Сехновичский – Сехневич [1, с. 343], р. Паднево – Падневич [1, с. 280], пруд Гневчицы – Гневко [1, с. 73], пруд Юхновичи –

Юхнович [1, с. 416]; названия профессий или ремесел жителей региона: пруд Клепахи – бондари [1, с. 161], пруд Ковалики – кузнецы [1, с. 165], канал Ситницкий – ситники (мастера, изготавливающие сита) [1, с. 344].

Названия пруда Огородники и родников Подбельские Огородники 1, Подбельские Огородники 2 образованы от слова огородники – крестьяне, согласно «Уставе на волоки» наделенные небольшими участками земли в 3 морга. В исторических документах указывалось, что огородников селили в деревни по 10–20 дворов недалеко от фольварков. Во время волочной померы в огородники переводили и челядь. В. П. Лемтюгова в работе «Тапонімы распаўядаюць» пишет, что в XVIII в. огородниками называли жителей деревень и местечек, имевших только хату и огород [10, с. 22].

Антропоморфный код культуры эксплицируется также при помощи гидронимов, образованных от названий этнических меньшинств и народов: болото Татарское багно, канал Казацкий, реки Цыганка, Куршиновка. Так, в основе названия болота Татарское багно содержится указание на народ татары. Согласно летописям, во времена великих татаро-монгольских нашествий отряды кочевников добрались и до Брестчины. В XIII в. на территории Беловежской пуши существовала стоянка татар, окруженная багном, болотом, которое предохраняло их от внезапного нападения славян. Название р. Куршиновки восходит к имени народности курши.

Присутствие на территории Брестчины гидронимов, образованных от фамилий исторических деятелей (канал Бона и канал Огинского), объясняется влиянием исторических и экономических факторов. Согласно историческим данным, канал Бона был создан в первой половине XVI в. по инициативе Боны Сфорцы, дочери миланского герцога Жана (Джана/Джована) Галеанца Сфорцы, которая впоследствии стала женой польского короля и великого князя литовского Сигизмунда I. Во времена своего правления королева Бона проводила экономические реформы, была заинтересована в расширении великокняжеских земель, повышении их естественного плодородия. Примеру королевы последовали несколько крупных магнатов, которые распорядились провести в своих имениях осушительные каналы. Канал Бона – самый старый мелиоративный канал Беларуси. Целью средневекового каналостроения во владениях Боны было улучшение, причем успешное, сенокосных и прилегающих пахотных угодий. Во времена Боны был прорыт не один, а несколько магистральных каналов по проекту итальянских гидротехников, и их трассы влились в современные гидромелиоративные системы.

Во второй половине XVIII в. на территории региона появился канал Огинского. Автором идеи строительства канала был мелкий чиновник Матей Бутримович, который отправил свои чертежи одному из претендентов на престол Речи Посполитой, магнату, любителю театра балов и путешествий Михаилу Казимиру Огинскому. Строительство дорогостоящего канала длилось более 15 лет, и на его торжественном открытии осенью 1784 г. присутствовал король Станислав Август Понятовский.

Наш материал показывает, что антропоморфный код культуры реализуется посредством субкодов – мифологического и религиозного. В представлении многих народов мира, в т. ч. и славян, вода всегда осмыслялась как «одна из основных стихий, первоисточник жизни, воплощение женского рождающего начала, но вместе с тем – как грозная, разрушающая стихия» [11, с. 81]. С глубокой древности человек осознавал огромное значение воды. Многие культовые действия происходили возле озер или рек и были связаны с водой.

Семантика «сгибать» «кривить» была свойственна языковым знакам, которые обозначали разные древние магические ритуалы и акты. Названия рек, отображающих признак извилистости (Нитка, Кривая), являлись для наших предков реальным или только мыслимым подтверждением одушевленности водной стихии [12, с. 108]. В подавляющем большинстве народных обычаев вода существует как образ, наделенный положительной семантикой, но и одновременно обладающий огромной разрушительной силой. Древние славяне обожествляли источники, считая, что они являются местами, где из земли выходит ее сила. Поэтому вода из источника считалась целебной и использовалась как оберег от враждебных человеку сил: родники Святой колодец, Свято-Михайловский (Ставы), Мироним, Святой Барбары, Богоявленский, Рождества Пресвятой Богородицы, Св. Николая Чудотворца, Яна Купала. В д. Лаховка Лунинецкого района Брестской области известно топкое болото под названием Баба.

А. Ф. Рогалев указывает, что названия водных объектов типа Баба, Бабино, Бабка, Бабья Струга, Бабин поток, Бабин Дол известны в разных регионах Беларуси. В ряде случаев такие названия указывают на глубокие и опасные места, топи, трясину, омуты водовороты. «Среди славянских языческих божеств была Белая Баба – повелительница вод, стерегущая водоемы и, по представлениям наших предков, обитающая в них. В южнославянском ареале до сих пор живы представления о богине Земли под именем Баба» [13, с. 41]. Представления о родоначальнице Бабе, опекающей членов рода, покровительствующей им, по мнению историков и этнолингвистов, бытовали еще в условиях матриархального родового строя.

«Бабьи» и «девичьи» названия связаны с древнейшим экзотерическим образом Матери Мира (Вселенной), представленной в мифологии и религиях разных народов мира [12, с. 43].

Флористический код культуры отражает представления человека о мире растений, который крайне важен для жителей региона и традиционно запечатлен в сознании людей, в мифах и различных обрядах. Царство растений, по мнению Т. В. Володиной, «создавая среду обитания человека и предоставляя ему все необходимое для существования (особенно в традиционных культурах), в то же время представляет собой важный фрагмент духовной культуры народа» [14, с. 159].

Дуб, береза и сосна относятся к ряду деревьев не только значимых для описания традиционной картины мира белорусов, но и представляющих

собой относительно цельные культурные образы. На значимость отдельных деревьев в жизни славян указывают многие ученые. Так, А. Е. Супрун пишет: «Дерево, лес, чрезвычайно важные для всей жизни славян, не могли не поражать внимания своей вечностью, жизнестойкостью, могуществом и в то же время опасностью дремучих лесов с зарослями, топями... Все это обуславливало поклонение наиболее могучим и древним растениям, например дубу, олицетворение леса и отдельных деревьев, например, соотнесение светлой березоньки с девушкой, превращение каких-то роц в священные (о чем сообщают иноземные путешественники). Это находит отражение и в современном устном народном творчестве с образами лесной чащи, березоньки, дуба, имеющими, вероятно, глубокие корни» [15, с. 39].

Дуб является самым почитаемым в славянском дендрарии. Т. А. Агапкина считает, что «в фольклоре и мифологических текстах дуб выступает главным репрезентантом мирового древа, моделирующего Вселенную с ее тремя мирами, а также ее центр» [16, с. 45]. По ее словам, «дуб как культовое дерево и фольклорный образ – это обычно старый, *starożytny* (древний), вековой, *stuletni* (столетний); он существует *od początku świata* (с начала мира)» [16, с. 50].

На территории Брестской области старые, мощные и самые крупные деревья имеют соответствующие «статусные названия» или эпитеты. Так, царь-дуб, возраст которого оценивается более чем в 800 лет, а высота составляет 46 м, находится в Пожежинском лесничестве Малоритского района. В Жабинском районе растет дуб-волот (около 700 лет); в д. Кожан-Городок Лунинецкого района – 300-летние дубы-великаны; в городском парке г. Высокое можно увидеть дуб пирамидальный. Некоторые деревья-старожилы, например, дуб-патриарх, который появился в середине XVII в., были не только свидетелями исторических событий, но и видели древний Кобринский замок и городскую ратушу. В 1794 г. во время похода из Немирова к Кобрину под дубом, по преданию, отдыхал знаменитый полководец А. В. Суворов, и с тех пор дуб называют Суворовским. В Борецком лесничестве Ивацевичского лесхоза находится уникальная чистая дубрава, возраст ее – 150–200 лет.

Наибольшее количество гидронимов, мотивированных названиями объектов растительного мира, соотносятся с названиями произрастающих на территории Брестского региона различных видов деревьев и кустарников: озера Дубовское, Дубок, Дубойское, Дубище, родник Березовка, р. Сосновица, ручей Калиновый, реки Вишня, Березовец, ручей Калиновец, родники Дубовка 1, 2, озера Ореховка, Ореховня, пруды Деревянное, Березовский, Дубой, Дуброво, родник Дубое 1, оз. Вязок, р. Осса (название происходит от устаревшего наименования древесной породы осины).

Как видно из приведенных примеров, самыми популярными являются гидронимы, мотивированные лексемой дуб.

Достаточно частотными являются и гидронимические единицы, соотносимые с названиями лесных массивов: пруды Дуброво, Мокрая Дубрава, оз. Боровое, канал Бор Дубенецкий, родник Лесок, оз. Залесское, родник

Избийский бор, канал Залесский бор – или их частей: родники Заеленье, Теребежов (вырубленные леса), канал Теребовичский (вырубленные леса), родник Чернаки (заросли лиственных деревьев ольхи и ивы), оз. Лядское, р. Лесная.

На территории Национального парка «Беловежская пуща» находится Лядское озеро, образованное в 1960-х гг. в результате превращения заболоченной поймы в искусственное водохранилище. Лес-ельник издавна называли «лядо», возможно, именно корень этого слова зашифрован в названии селения. В. П. Лемтюгова указывает, что «ляда – тэрмін падсечнага-агнявога земляробства, які абазначае ворны участак на месцы лесу» [10, с. 234].

Гидронимы Брестчины нередко хранят в качестве своих основ наименования плодов определенных деревьев: озера Ореховское, Ореховня, реки Вишня, Вишенка.

В нашем материале фиксируется ряд гидронимов, указывающих на типы растительности (рогоз, камыш, мох и др.), произрастающей на берегах водоемов. На белорусских болотах, где всегда очень влажно и недостаточно кислорода, растут влаголюбивые растения: рогоз, камыш, сфагнум (торфяной мох), росянка: оз. Мшачэ, пруд Рясна, р. Мшанка, родики Рогозница 2 (рогоз), Подлозняны (лоза), оз. Мох, родник Рогозница 1, р. Тростяница (тростника), р. Замшанка.

Зооморфный код культуры эксплицируется при помощи нарицательной лексики, обозначающей наименования представителей животного мира: рыб (канал Окунинский, озера Подрябье, Карасин); птиц (р. Сорока, каналы Дятловичский, Гусацкий, Котринский (название птицы кулик), пруд Чайка, оз. Лебедь); зверей (озера Барсуки, Змеиное, реки Старый Бобрик, Бобрик 1, Мышь, канал Зубровский, реки Зубрица, Лань, канава Медведица, реки Змейка, Мышанка).

Темпоральный код культуры детально иллюстрирует специфику восприятия времени жителями региона, о чем свидетельствует наличие цифровой маркировки: пруды Лыщицы 1, Лыщицы 2, Гершоны 1, Гершоны 2, Заказанка 1, Заказанка 2, Заказанка 3, Заказанка 4, Заказанка 5, Заказанка 6, Заказанка 7, вдхр. Береза 1, озера Кирпичные 1, Кирпичные 2, Кирпичные 3). В большинстве случаев названия региональных водных объектов представляют собой составные гидронимы в форме атрибутивных словосочетаний, в которых в качестве определительного слова используются прилагательные, образующие антонимические пары большой – малый или цифры: пруды Малые Сои, Большие Сои, Большие Диковичи, Оберовщина 1, 2, Чепели 1, 2, Ружаны 1, Кокорица 1, 2, 6, 7, Миловиды 1, 2, Морщиновичи 1–4, Лахва 1, Гряды 1–8, Сошно 1–4, Колония 1–5, озера Покамерское Большое, Покамерское Малое, Большое Засоминое, Большой Погощ, Малое Засоминое, пруды Малые Щитники, Большие Чучевичи, Великие Луки.

Эмоционально-характерологический код объективируется с помощью гидронимов, в основе которых лежит принцип номинации по присущим или приписываемым им свойствам и качествам: глубину (оз. Бездонное); качество

воды (цвет, запах, вкус, температуру) (озера Белое, Красное, Голубое, Черное, Кирпичное, родник Серебряный, р. Белая, пруд Красный); характер берегов и дна (озера Горное, Песчаное, Мульное, родник Подгорный). В одном из кварталов Городищенского лесничества расположен гидрологический памятник природы местного значения – родник Ясенец (Кипяток), который имеет двойное официальное название, но люди называют только Кипяток, поскольку летом вода в нем холодная, а зимой – теплая.

Пространственный код культуры связан с членением пространства и может быть охарактеризован как «способ структуриации мира и его объектов с позиций локализации и месторасположения» [7, с. 131]. Для структурирования обычно используются семантические оппозиции свой – чужой, верх – низ, вертикаль – горизонталь, правый – левый, впереди – сзади, близко – далеко, запад – восток: пруды Заполье, Высокое, оз. Заозерское.

Номинации пространственного типа содержат и указание на другой водный объект: вдхр. Луковское – оз. Луково, вдхр. Олтушское – оз. Олтуш, вдхр. Ореховское – оз. Ореховское, вдхр. Днепро-Бугское – канал Днепро-Бугский, р. у вдхр. Гать, родник под дамбой Березовского вдхр.

Заключение

Таким образом, можно сделать вывод о том, что гидронимы Брестского региона являются носителями ценной этнографической и культурно-исторической информации. Изучение гидронимов как особого топонимного субполя в рамках лингвокультурологического подхода позволяет выявить особенности гидронимов как хранителей и трансляторов значимых для жителей региона культурных смыслов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Жучкевич, В. А. Краткий топонимический словарь Белоруссии / В. А. Жучкевич. – Минск : Изд-во БГУ, 1974. – 448 с.
2. Беляев, А. Н. Формирование и развитие топонимической системы немецкого языка : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.04 / А. Н. Беляев ; Башкир. гос. ун-т. – Уфа, 2017. – 47 с.
3. Woodman, P. The Interconnections between Toponymy and Identity / P. Woodman // Review of Historical Geography and Toponomastics. – 2014. – Vol. 9, № 17–18. – P. 7–20.
4. Казанкова, А. А. Топонимы в региональной ономастической системе (на материале Жердевского района Тамбовской области) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / А. А. Казанкова ; Тамб. гос. ун-т им. Г. Р. Державина. – Тамбов, 2013. – 22 с.
5. Мезенко, А. М. Урбанонимия как язык культуры / А. М. Мезенко // Учен. зап. Тавр. нац. ун-та им. В. И. Вернадского. Сер. Филология. Соц. коммуникации. – 2011. – Т. 24 (63), № 2, ч. 1. – С. 388–392.
6. Міфалогія беларусаў : энцыкл. слоўн. / навук. рэд. Т. Валодзіна, С. Санько. – Мінск : Беларусь, 2011. – 607 с.
7. Маслова В. А. Коды лингвокультуры / В. А. Маслова, М. В. Пименова. – М. : ФЛИНТА, 2016. – 180 с.

8. *Красных, В. В.* Коды и эталоны культуры (приглашение к разговору) / В. В. Красных // Язык, сознание, коммуникация : сб. ст. / отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. – М. : МАКС Пресс, 2001. – Вып. 19. – 164 с.
9. *Переход, О. Б.* Вербализация культурных кодов в прагматонимии и эргонимии Брестчины / О. Б. Переход // Весн. Брэсц. ун-та. Сер. 3, Філалогія. Педагогіка. Псіхалогія. – 2019. – № 2. – С. 79–88.
10. *Лемцюгова, В. П.* Тапонімы распавядаюць / В. П. Лемцюгова. – Мінск : ЛіМ, 2008. – 416 с.
11. *Коваль, В. И.* Мифологические верования восточных славян : пособие по курсу «Славянская мифология» / В. И. Коваль. – Гомель : ГГУ им. Ф. Скорины, 2016. – 270 с.
12. *Рогалев, А. Ф.* Этнические и географические названия как источник для изучения истории Беларуси / А. Ф. Рогалев. – Гомель : Барк, 2014. – 128 с. 13. *Рогалев, А. Ф.* Скрытый смысл географических названий, легенд и преданий (на материале Беларуси) / А. Ф. Рогалев. – Гомель : Барк, 2012. – 208 с.
14. *Володина, Т. В.* Этноботаника: растения в языке и культуре / Т. В. Володина / ГОРА калинова : (биљни свет у традиционалној култури Словена) : зб. радова / уредила Зоја Карановић. – Београд : Удружење фолклориста Србије : Светозар Марковић ; Vilnius : Lietuvių kalbos instituto ; Ваљево : Топаловић. – 2019. – С. 159–175.
15. *Супрун, А. Е.* Жизнь древних славян по данным их языка / А. Е. Супрун ; предисл. Е. Н. Руденко. – Минск : БГУ, 2020. – 104 с.
16. *Агапкина, Т. А.* Деревья в славянской народной традиции / Т. А. Агапкина. – М. : Индрик, 2019. – 656 с.